

Прездка к настоящей героине нашего времени.
му человеку

Утренняя электричка на Серпухов в самый длинный летний день. Я сопровождаю организатора общественного центра "Тюрьма и воля" В. Ф. Абрамкина в его встрече с вышедшей недавно из заключения Ириной Семеновной Морисеенко/Котовой/, в свое время откликнувшейся на статью А. М. Яковлева в "Огоньке". — пожеланием рассказать всю правду. Магнитофон позволит не только точно записать всю заковскую правду для последующих ученых размышлений, но и донести ее потом до массового сознания, до нас с вами. В этом ни у Валерия, ни у меня нет сомнений. Конечно, основная тема интервью — порядки в женских и лагерных зонах, меня же волнует прежде всего несправедливость осуждения по "хозяйственным статьям". Что эти обвинения были несправедливы, я почему-то уверен заранее, априори, без всякого знакомства с конкретным "делом". Конечно, я пристрастен, хотя сам никогда "хозяйственником" не был, не способен, потому что давно убедился: среди сотен тысяч осужденных по хозяйственным статьям УЧ, истинно виновных не больше чем среди политических заключенных. О неизбежности таких несправедливостей свидетельствует чистая логика: не могла существовать так долго и устойчиво наша извращенная и безнравственная система хозяйства, если бы она не находилась под постоянной поддержкой и поддержкой — репрессий против наших свободного труда.

Деревенского вида улица. Малая часть бабушкиного дома, с невероятным трудом и везением отсуженная мужем Ирины у соседей, когда он вернулся из лагеря — не живым и здоровым, а не погибшим, как уже успели объявить его соседи, чтобы завладеть, якобы выморочным наследством. Старая, дожившая до наших дней сталинская история унижения в лагерях людей и имени их ради завладения их квартирой — омытой, здесь дала неожиданную осечку. Похоже, что просто случилось.

Нам повезло застать хозяйку дома, уже совсем было собравшейся уходить в свой воскресный день в городок, в очередные прописочные хлопоты, — и она разговорить ее на весь день воспоминаниями.

Уже первые улыбки и рассказы заставили меня радостно изумляться даже случайным жизненным совпадениям своих основных вех с ее датами. И мне уже 50 лет, и я родился в Харькове, и профессиональное образование у нас одинаковое — инженер-механик, но тогда в Харькове, только она ушла не в экономическую науку, а в торговлю. И даже арестованы мы были в один и тот же день — 23 января 1980 года. И вот только на пороге лагерного срока сходство нашей жизненной судьбы резко пресеклось, потому что я ушел домой, а ее крестный путь и сейчас еще не кончился. Тут наиболее уместней подчеркнуть

Ее добросовестность и честность оказались очень удобными для наших
главным следователей чтобы отчитаться перед народом и властями в бо

о своих успехах в борьбе ~~политически~~ целым букетом страшных хозяйственных преступлений.

"Да что говорить, — рассказывает Ирина Семеновна, — рядом с моим маленьким "Кульгтоварами" работал большой универмаг, мебельторг, ресторан. Не хочу говорить ничего дурного про своих коллег, но вы сами понимаете, почему для обвинений выбрали меня. Ну, конечно, я виновата: нарушала правила социалистической торговли, все хотела сделать свой магазин самым лучшим, доставала дефицит, но — Взятки? Хищения? Обман?

Я ведь и в торговлю перешла потому что не ~~шпили~~ вмогугу стало пустые бумаги переключивать, хотелось работать для людей. А что же получилось? — Нет, я не смирилась, все эти годы писала заявления, требовала справедливого пересмотра, хотя ведь силы не беспредельны, когда вешде отвечают одно и тоже. Да и родители мои /как им было тяжело, мама так и не дождалась моего освобождения/ — на свиданиях не раз повторяли: "Ира, брось писать, ты всегда была идеалисткой, хоть сейчас не рискуй, а то хуже будет"... Но мне и сейчас нужна справедливость."

Вы знаете, что самое тяжелое для меня сейчас? Нет, не бытовая неустроенность, не опасливый холод в отторжениях с родней недавно женившегося сына, не тяжесть посменной физической работы на бумажной фабрике, нет... Тяжелее всего соглашаться с доброжелательными советами руководителей и кадровиков: "Только ради Бога, никому ничего о прошлом не рассказываете, а то знаете, какой у нас народ, случись что, сразу обвинят". Они, наверное, правы, но скрывать ~~всю~~ всю жизнь свое прошлое и нелегкий опыт? Да что же в моей жизни было дурного и постыдного, что обречена я на всю жизнь скрываться? — ~~Именно эти принципы социализма~~ Неужели я виновата лишь в том, что с другими не случилось такого несчастья?...

— Как хорошо я понимаю эту идеалистку-торговку, а ясным умом и сам отверженным решительным характером, как про себя люблюсь работой ее мысли и ясностью выносимых оценок. ~~Именно в~~ В лагере эту еврейку по фамилии и характеру звали Моисеем, а мне хочется воскликнуть: "В Израиле может, была бы Голдой Меер, а здесь вот — ~~идеалисткой~~ заключенной и разнорабочей... Кто виноват в этом?"

Нет, я не чувствую больше сходства со своей героиней, я чувствую больше вину. Как мы все виноваты перед ее идеализмом и желанием действительного добра людям! Ведь именно мы своим попустительством, а иной раз и бездумной опорой на государеву машину отправляли в лагерь самых лучших и самоотверженных. Давайте только представим: не имей Ирина Семеновна такой неукротимой жажды деятельного добра, не перешла бы она в торговку из письменных инженеров, сидела бы в

у торговцев дефицитные продукты, ничем, конечно, не рискуя, кроме утраты части доставшейся за бездельное ^{служение} сидение зарплаты, и, может, тут же с подружками могла ~~идти~~, осуждать и ругать этих торговцев спекулянтами, ворами и взяточниками; требуя от государства их скорейшего осуждения... И согласитесь, что уйдя в торговлю, Ира выбрала иной, самоотверженный и самостоятельный путь, в работе пыталась реализовать свое человеческое достоинство. И согласитесь — именно за это она и была репрессирована безразличным обществом, получила свой крест, на котором корчится в безмолвии до сих пор, а мы своими добрыми советами скриваться как бы стыдливо зажимаем ее вопящий о справедливости рот. Так кто же тут виновный на деле? И когда же мы услышим и обратим на себя древние пророческие слова: "Горе вам, книжники и фарисеи!"

Да, горе нам, гордым и надменным, ленивым и послушным рабам великого государства, за то что не слышим и не понимаем, что именно от нашего неучастия и идет главное зло поддержки системы ~~исключения~~ страха и подавления добра. И когда только мы перестанем требовать крови настоящих людей, хозяйственников и диссидентов? Когда станем разбираться в себе самих, якобы вольных и в якобы осужденных? Когда поймем, кто рабы, а кто герои?

Ирина Семеновна продолжает и сегодня добиваться справедливости и, убежден, общество когда-нибудь обязательно принесет ей свои публичные извинения.

28.06.1989г.

Виктор Сокирко